

лию, мыслию, действительно пребывающею в нем, с другой же стороны, субъективной мыслию, определением моего собственного духа. Вследствие этого эмпиризм никогда не останавливается на единичных фактах, но отыскивает в них всеобщие мысли, законы – и не единичные факты, но законы, проявляющиеся в них, составляют существенное содержание всякой эмпирической науки; единичный факт неуловим и преходящ, и только законы, как постоянные и неизменяемые, могут быть удержаны эмпиризмом; и в этом нет никакой потери: все преходящее должно проходить как конечное, как не имеющее в самом себе причины своего пребывания. Случайности не имеют права на участие человека, и только истинная действительность, только действительное осуществление мысли может интересоваться его; что само преходящее, то не может возвыситься над преходящим и уничтожается вместе с ним; но человек, с одной стороны, конечен, с другой стороны, бесконечен, и вся премудрость его и все назначение его жизни состоят в том, чтоб в последовательности своего развития он отрывался от всякой случайности и внешности и, возвысившись над конечностью мира сего, так же как над своею собственною конечностью, привязался к тому, чего «ни моль ни ржа не истребляют». И потому недостаток эмпиризма состоит не в том, что, отвлекая от единичных и преходящих фактов, он оставляет их, как ничтожные и несущественные, и возвышается над ними до всеобщих и не измеряемых законов, – напротив, в этом заключается его достоинство, – но в том, что он не в состоянии понять единство законов между собою, в том, что он не обнимает всей их полноты, и, наконец, в том, что, получая их через отвлечение от фактов, он не понимает, каким образом они выходят из своей отвлеченности и осуществляются в действительном мире. Недостаток же этот происходит оттого, что он познает их не как чистые мысли, но из опытного наблюдения.

Итак, если возможно знание, познающее законы не из опыта, но, а priori, как систему чистых мыслей, имеющих свое необходимое развитие независимо от опыта, то такое знание вполне удовлетворяет всем требованиям познающего духа. Во-первых, оно будет иметь характер *необходимости*, недостающий эмпиризму, так что развитие мысли как необходимое будет вместе и доказательством ее. Во-вторых, оно будет действительно *всеобщим* знанием, потому что не будет восходить, подобно эмпиризму, от единичного и особенного к отвлеченному и непонятному всеобщему, но будет понимать особенное и единичное из собственного имманентного (присущего) развития всеобщего, так что ни одна особенность не вырвется из необходимости этого развития. Наконец, если действительный мир, в самом деле, – не что иное, как осуществленная, реализованная мысль, – а мы видели, что вера в пребывание мысли в действительности составляет сущность как обыкновенного сознания, так и эмпиризма, – то оно будет в состоянии объяснить тайну этой *реализации*, тайну, недоступную для эмпиризма. Такое знание есть *философия*.

Таким образом, из анализа эмпирического знания для нас произошло представление о истинном назначении философии и о тех условиях, без строгого соблюдения которых знание не может быть истинно философским. Теперь остается решить, возможно ли исполнение их, и если возможно, то каким образом и какими именно средствами. Во второй половине нашей статьи, которая будет помещена в следующей книжке, мы постараемся показать, как этот вопрос разрешается самостоятельным и необходимым развитием самого *сознания*.

Статья вторая¹

В первой половине нашей статьи мы задали себе вопрос о сущности и возможности философского знания. Для разрешения его мы разобрали сначала значение слова «философия» и увидели, что философия есть наука, требующая *абсолютного знания*, такого знания, которое бы обнимало всю полноту бесконечного, осуществляющегося в конечном, всю полноту как физического, так и духовного мира, которое бы поняло органическое и необходимое единство его и было бы вместе и доказательством своего абсолютного содержания. Потом, дабы узнать различие философского знания от эмпиризма, мы подвергли последнее подробному анализу, рассмотрели сущность его и убедились, что эм-

---

¹ Статья, по-видимому, написана в 1830 м – первой половине 1840 г. и осталась по неизвестным причинам неопубликованной. Впервые опубликована в: Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. М., 1987. С. 157–192. В настоящем издании текст печатается по этой публикации.

Примечательна судьба бакунинских занятий гегелевской трактовкой чувственной достоверности, и особенно идеи ее «невыговариваемости» в слове; через два с лишним десятилетия Бакунин вернется к этой концепции, но уже как материалист.